

Гу Му стала выходить из дома чаще. Она больше не бродила по улицам без цели — теперь она сознательно изучала каждый закоулок района, освежая в памяти детали.

В бильярдную пока соваться было нельзя, но ей требовались другие пути, нужна была информация, чтобы не оставаться в полной пассивности.

Она обошла несколько уличных карточных столов, где раньше любила околачиваться прежняя хозяйка тела. Купив пачку неплохих сигарет, она угостила ими бездельников и старых прохвостов. Слушая их байки и треп, она по крупицам собирала сведения о переменах в расстановке сил в западной части города и прочих мелочах.

Гу Му говорила мало, в основном слушала, лишь изредка вставляя пару слов. Однако её взгляд, пугающе спокойный и глубокий, заставлял старых хулиганов невольно сдерживать свое пренебрежение.

Она также заходила к сестре Чжан, чтобы помочь в лавке. И не ради бесплатной еды — она усердно перетаскивала товары, прибиралась и даже помогала обслуживать самых придирчивых клиентов.

Сестра Чжан всё видела. Она ничего не говорила, но, накладывая Гу Му обед, всякий раз щедро добавляла куски мяса.

— Малышка Гу, — однажды после обеденного часа пик сестра Чжан, вытирая руки, как бы невзначай спросила, — у тебя в последнее время... не случилось ли чего?

Гу Му, уткнувшись в тарелку, на мгновение замерла, а затем невнятно буркнула что-то в ответ.

— Если нужны деньги, у меня есть немного... — осторожно предложила сестра Чжан.

— Не надо, — отрезала Гу Му, голос её прозвучал жестко. — Мне хватает.

Сестра Чжан посмотрела на неё и вздохнула:

— Какая же ты упрямая... Если что-то случится, не пытайся тянуть всё в одиночку.

Гу Му промолчала и лишь ускорила темп еды.

Упрямая?

Она просто привыкла полагаться только на себя. Если надеяться на других, финал обычно оказывается куда плачевнее. Эту истину она усвоила еще в раннем детстве.

За эти два дня Система дважды выдавала задания на наблюдение, но Гу Му стойко терпела удары током, отказываясь их выполнять.

Очки опыта застыли на отметке 80.

С каждым разом разряды переносить было всё тяжелее, но она упрямо сжимала зубы. Она не хотела больше стоять у школьных ворот, словно клоун на потеху публике.

Заходящее солнце пробивалось сквозь классное окно, оставляя теплые пятна света на раскрытой тетради.

Лу Мянъ сжимала ручку, но кончики её пальцев были холодными.

Одноклассники давно разошлись, смеясь и переговариваясь, и в классе становилось всё тише.

Она медленно закрыла учебник и бережно убрала старую, облупившуюся перьевую ручку в пенал.

Это была вещь, оставшаяся от матери.

Она не хотела идти домой. Тот дом, который так называли, был больше похож на холодный, изысканный склеп.

Придирчивый взгляд мачехи, равнодушная спина отца, избалованность младшего брата от другого брака... Всё это лишало её возможности дышать.

Вчера за ужином мачеха снова намеками припомнила ей, что оценки недостаточно высоки, что она не ровня детям других семей. Отец лишь нахмурился, не проронив ни слова.

Это безмолвное осуждение ранило её сильнее, чем прямые упреки.

Она вышла из класса последней.

Заходящее солнце вытянуло её тень, одиноко застывшую на чистом полу коридора.

Едва добравшись до лестницы, она услышала знакомый смех, от которого сердце сжалось в комок.

Это была компания Чжоу Хэжана. Окруженный парнями и девушками, он лениво прислонился к перилам, на губах играла небрежная улыбка.

Лу Мянью инстинктивно захотела опустить голову и поскорее проскользнуть мимо.

— Эй, Лу Мянью.

Его голос не был громким, но он словно невидимой веревкой сковал её шаги. Она замерла, не смея поднять глаз.

Чжоу Хэжанью сделал несколько шагов и остановился прямо перед ней. Его кроссовки маячили у неё перед глазами.

Он молчал, лишь разглядывая её. От этого взгляда ей казалось, что она — товар, выставленный на продажу, или же просто... забавная игрушка.

— Вечером у нас дома прием, будет скучно, — неожиданно произнес он, тоном, каким говорят о погоде. — Нужно, чтобы кто-то подавал чай и разносил закуски. Приходи.

Это была не просьба, а приказ.

Лу Мянью резко подняла голову, в её глазах мелькнул испуг:

— Я... я не смогу...

— Почему это не сможешь? — Чжоу Хэжанью приподнял бровь, наклонился ближе и понизил голос, добавив нотки угрозы, слышные только им двоим: — История с телефоном еще не закончена. Помочь мне в такой мелочи — разве это много?

Лицо Лу Мянью мгновенно побелело. Тот разбитый телефон стал кандалами, прочно сковавшими её. Она вцепилась в лямки рюкзака так, что побелели костяшки пальцев.

— Или, — Чжоу Хэжанью медленно выпрямился, вернувшись к обычному тону, который звучал еще более унижительно, — ты хочешь, чтобы я сам позвонил домой и пригласил тебя... вместе с твоими родителями?

— Нет! — вырвалось у неё, голос дрожал.

Она не могла представить, что будет, если мачеха и отец узнают, что она снова перешла дорогу Чжоу Хэжаню.

Чжоу Хэжанью, похоже, остался доволен её реакцией. Улыбка на его губах стала шире:

— Вот и договорились. Семь часов, не опаздывай.

Сказав это, он перестал смотреть на неё и, смеясь, направился к друзьям.

Лу Мянью осталась стоять на месте, чувствуя, как всё тело пробирает холод. Закатное солнце вдруг стало невыносимо ярким.

Вилла семьи Чжоу сияла огнями. В отличие от роскоши дома Лу, здесь всё дышало глубокой, уверенной в себе надменностью.

Лу Мянью, в своем лучшем старом платье, чувствовала себя чужой среди блеска и дорогих нарядов гостей.

Она держала поднос с шампанским, пальцы слегка дрожали от напряжения.

Ей командовал какой-то управляющий, гоняя туда, где требовалась помощь. Свет хрустальных люстр слепил глаза, а шум голосов казался доносящимся из-за толстого стекла — приглушенным и далеким.

Она старалась опускать голову, чтобы стать как можно менее заметной, боясь что-то разбить или привлечь лишнее внимание.

Но неприятности всё же нашли её.

Пытаясь пробраться сквозь толпу с подносом закусок, она случайно задела девушку в изысканном вечернем платье.

— Ой! У тебя что, глаз нет?! — воскликнула девушка, глядя на пятно от крема на подоле. Её лицо исказилось от злости.

Это была Линь Вэй, известная в школе скандалистка из влиятельной семьи.

— Простите! Простите! — Лу Мянью в панике поставила поднос и достала салфетку, пытаясь вытереть пятно.

— Убери руки! Не смей трогать меня своими грязными пальцами! — Линь Вэй оттолкнула её руку, её пронзительный голос привлек внимание окружающих. — Ты хоть знаешь, сколько стоит это платье? Ты вообще в состоянии за него заплатить?!

Лицо Лу Мянью вспыхнуло, она чувствовала себя настолько жалкой, что готова была провалиться сквозь землю, лишь повторяя: — Простите.

— Что здесь происходит? — раздался недовольный женский голос. Это была мать Чжоу

Хэжания, хозяйка вечера. Она нахмурилась, глядя на эту сцену.

Линь Вэй тут же приняла вид обиженной:

— Тётя Чжоу, посмотрите на неё! Такая неуклюжая, испортила мне новое платье!

Взгляд матери Чжоу упал на Лу Мянью, в нём читались допрос и неприязнь:

— Из какой ты семьи? Как можно быть такой неаккуратной?

Она явно не помнила, кто пригласил Лу Мянью, да и вряд ли её это интересовало.

Лу Мянью открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Взгляды окружающих вонзались в неё, словно иглы.

Она чувствовала себя обнаженной под лучами прожекторов, ей некуда было спрятаться. Если мачеха узнает, что она так опозорилась...

Страх и унижение нахлынули волной, от которой закружилась голова.

— Мам, это я попросил её помочь.

Раздался ленивый голос. Чжоу Хэжанью подошел, покручивая в руке бокал с соком, на его лице не отражалось никаких эмоций.

Мать Чжоу удивилась:

— Хэжанью? Это ты её позвал?

— Да. — Чжоу Хэжанью подошел к Лу Мянью, небрежно встав между ней и Линь Вэй, и бросил той: — Хватит, это всего лишь пятно от крема, отстирается. Чего такой шум поднимать?

Линь Вэй не ожидала, что Чжоу Хэжанью вступится за Лу Мянью. Она осеклась, её лицо сменило несколько оттенков, но в конце концов она лишь злобно зыркнула на Лу Мянью и промолчала.

Мать Чжоу, видя, что сын вмешался, не стала продолжать, лишь холодно бросила Лу Мянью:

— В следующий раз будь осторожнее.

После чего развернулась и ушла к другим гостям. Толпа любопытных тоже стала расходиться.

Лу Мянью застыла, сердце колотилось, как барабан. Она опустила голову, не решаясь посмотреть на Чжоу Хэжана.

— Чего застыла? — его голос прозвучал над головой, всё такой же безразличный. — Там стол с напитками опустел, иди пополни.

— ...Спасибо, — прошептала Лу Мянью, едва слышно выдавив из себя эти слова.

Чжоу Хэжань, кажется, издал тихий смешок, едва уловимый.

— За что спасибо? Я позвал тебя работать. Кроме меня, никто не имеет права тебя обижать.

Его тон был естественным, даже с легким оттенком снисхождения. Сказав это, он не стал ждать её реакции и ушел.

Лу Мянью смотрела на его удаляющуюся спину, в душе царил полный хаос. В тот момент он действительно вытащил её из беды, избавив от еще большего позора.

Она не осмеливалась думать об этом дальше, просто молча пошла к столу с напитками, продолжая свою работу. Но теперь взгляды, направленные на неё, казались не такими колючими.

Когда прием закончился, была уже глубокая ночь. Лу Мянью так устала, что едва могла разогнуться, руки и ноги гудели от боли.

Управляющий выдал ей оплату, даже чуть больше, чем было оговорено. Сжимая в руках купюры, она не могла понять, что чувствует.

Выйдя с виллы, она вздрогнула от ночного холодного ветра. Оглянувшись на сияющий огнями особняк и вспомнив слова Чжоу Хэжана, она с тяжелым сердцем побрела к автобусной остановке.

Может быть... может быть, он не такой плохой, каким кажется?

Эта мысль едва успела возникнуть, как она сама же её подавила. Она помотала головой, не смея продолжать.

Ночной автобус раскачивался на ходу. Она прислонилась к холодному стеклу, и усталость накрыла её, словно океанская волна.

<http://bllate.org/book/18824/1832036>